

18+

незначительные

помехи

Кристина Бурнашова

Незначительные помехи

«Издательские решения»

Бурнашова К.

Незначительные помехи / К. Бурнашова — «Издательские решения»,

Осторожно! Сборник рассказов от начинающих талантливых авторов написан с большой любовью. При чтении возможно повышенное сердцебиение от смеха, страха или наслаждения историями.

Содержание

JESUS, MARY, AND JOSEPH! — БИЖМА КУЛЬ	6
РАЗГОВОР С ИИ-НЕО — МАРИНА ВИННИКОВА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Незначительные помехи

Редактор Кристина Бурнашова

ISBN 978-5-0070-1559-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

JESUS, MARY, AND JOSEPH! — ЫЖМА КУЛЬ

— Да, сделай ещё один, милый.

Бармен с добродушным смешком опрокинул скотч Айла с ирландским виски в шейкер, а затем ловким движением руки добавил туда мёд, имбирь и яичный белок. Энергично смешав вкуснейшую штучковину, он перелил всё в стакан и прокатил его навстречу вытянутой дряблой руке. Игриво, но совершенно несексуально подмигнув, Мэри запрокинула голову и влила в

себя так называемый Pot o' Gold. Достав откуда-то купюру, она хлопнула ею о стойку и под восторженный топот ботильонов с хохотом вывалилась из паба. От неё несло сладким, удушающим одеколоном, горькой выпивкой, кофлом, да и в целом её несло, куда глаза глядят. Нет! Пьяна она не была, просто сильно навеселе.

Завёрнутая в красную мантию с белым пушком по краям, она, ощущая себя настоящей императрицей, уверенно ступала, оповещая цокотом каблуков о своём присутствии весь Голуэй. На душе ей было так спокойно и легко, как бывает только тёплым летним вечером. И ни один наглосакс, ни один задрипанный пьянчуга не мог поколебать это замечательное расположение духа. Она праздновала жизнь. Не потому что был повод, а потому что она в нём не нуждалась, чтобы жить и веселиться, как в последний раз. С бабки взятки гладки, никто не смел её остановить или хотя бы притормозить. А потому с шага она перешла на танцующий бег и свободно неслась вдоль украшенных улочек Ирландии, зелёных от деревьев и светлых от фонарей, распевая уже осточертевшую всем песню:

Way hay and up she rises,

Way hay and up she rises,

Way hay and up she rises

Early in the morning!

Перед ней проносились потрёпанные вывески продуктовых лавок и мастерских, напоминающие ей о рутине и домашних заботах. Она выхватывала глазами до боли (в суставах) знакомые места: изумрудные стены пабов, увешенные флажковыми гирляндами и золотыми клеверами, аптеки с голубыми стёклами и кирпично-багряные жилые домики с расплзающимся по ним плющом. Люди высовывали носы из окон и что-то кричали Мэри вдогонку, но она, глухая на одно ухо, ничего не слышала и скорее даже не хотела, отчего все для неё были праздны и беспечны, как и она сама.

Остановившись, чтоб перевести дух, хихикающая старушка обмахивалась своей мантией, под которой, судя по всему, ничего и не было. Противно — не противно, осуждай — не осуждай, а таковы были для неё прелести старости. Для кого-то пенсия приносила с собой вязание носочков и выращивание баклажанов, а для неё — негласное право делать всё, что взбредёт в голову. «Да кому нужна я на старости лет?» — таков был её девиз, с которым она перешагивала порог дома, неся в голове очередную гениальную идею на исполнение.

Внезапно в мусорке поблизости что-то заскрежетало, затарахтело и заклацало. И настолько сильно, что даже Мэри со своим одним рабочим ухом обратила на это внимание. Как чёрт из табакерки, с визгом из контейнера вылетел шар. Подойдя ближе к поваленной на землю куче мусора, она распознала в розоватом ершистом комке нечто... похожее на её кота. Элегантно сделав дугу спиной, он жёлтыми глазами посмотрел Мэри в душу, а затем тряхнул ушами и гордо смахнул со своей головы картофельный очисток. Напрягая и без того заметные морщины, старушка наклонилась и протянула вперёд ладони.

— Джизус, что ты там забыл?! Ну-ка иди ко мне, пус-пус-пус.

Выпучив один глаз и обнажив верхний клык, под которым была пришпилена какая-то обёртка, аляповатый кот хотел было недовольно шикнуть, но внезапно его что-то осенило, отчего он передумал атаковать и снизошёл до просьбы хозяйки. О, Мэри прекрасно помнила момент, когда один ухажёр вручил ей этот мяукающий феномен. Пушистый покров, четыре лапы, мордочка с торчащими усами и характерное мяуканье — все признаки указывали на кота. Она даже была готова спустить ему с рук цвет шерсти (Розовый! В малиновую крапинку!), если бы не деревянная ручка, торчащая из спины, словно он был вовсе не живым зверьком, а каким-то меховым саквояжем. Жертва чьей-то большой инженерии или просто чудо-мутация, что тут ещё скажешь...

Взяв питомца на руки, Мэри призадумалась, что за имя она вообще ему дала. Джизус... С одной стороны, как-то неправильно, богохульно. А с другой — что вообще такое Бог? Как

завещал классик, это громкий крик на улице, а вместе с тем хохот, котячья горлопань и пружинящая по брусчатке походка. Кому как не этому несуразному страдальцу иметь такую кличку? Да. Всё правильно.

Пока она обмозговывала план дальнейших действий, к ней, предупредительно стуча тростью, подошёл пожилой джентльмен в коричневой жилетке и огромной меховой шапке, как у британского солдата. Громко прочистив горло, он слегка наклонился к Мэри и резко убрал руки за спину, создавая впечатление, будто у него срочное и крайне серьёзное дело к ней.

— Добрейшего вечера, мисс. Рад видеть, что Вы приняли мой подарок, — отставив по голубиному голову, он указал своими пышными седыми усами в сторону Джизуса. — Но тебя, конечно, я рад видеть ещё больше.

Забыв про формальности, седой казанова заигрывающе улыбнулся и подбоченился. Кот, не желая быть участником дальнейших событий, попытался забраться под мантию Мэри, но безуспешно. Пожилая дама сделала гордый вид, посильнее укутавшись в своё одеяние, и ответила, демонстрируя максимальное безразличие и чувство собственного достоинства:

— Да, милый кот. Пожалела его, калеку, вот и не стала выбрасывать на улицу.

— Да не ври уж. Я же помню, как ты попросила кота с ручкой в спине на свой день рождения. И я, как настоящий мужчина, нашёл тебе его.

Лениво и нарочито театрально Мэри вздохнула и отвернулась, «случайно» оголяя левое плечо, а затем также медленно и драматично завела старую шарманку, которая исправно работала из раза в раз:

— О-ой, ну что ты такое говоришь, Джозеф? Ты может перепутал? Я хотела ручку в виде кота... Или кота с человеческими ручками... Но точно не это! И как я могу дать тебе шанс, когда ты меня совершенно не слушаешь!

— Мэри, ну может хватит этого фарса? Я записывал все твои просьбы...

— Совершенно ненадёжный мужчина!

Тут терпение Джозефа лопнуло. Он покраснел и по привычке (чтоб казаться грознее) закатал рукава, оголяя предплечья, на одном из которых зеленела татуировка в виде якоря, намекающая на то, что с ним шутки плохи. Сжав трость изо всей силы, он сердито дунул в свои усы и начал бушевать:

— Да как ты смеешь! Мэри! Я тебя добиваюсь уже 30 лет! С тех самых пор, как увидел тебя танцующей на столе в Блумсдэй, в окружении зевак, запикивающих себе в рты жареные бараньи почки. Я исполнял все твои, даже самые нелепые и невообразимые, прихоти. Дорога из цветов от твоего дома до набережной! Официальный праздник в честь числа 222! В конце концов этот... Джизус!

Редко когда Мэри не знала, что сказать, но это был именно тот случай. Все слова в голове лопнули мыльным пузырьком. Она смотрела на Джозефа, пытаясь сохранить напускное равнодушие, но глаза бегали по нему: морщинки в уголках глаз, седые мохнатые брови, крепкие, шершавые руки и совершенно смешные кожаные остроносые сапоги с золотыми бляшками. Одет он был «по последней моде», как он любил говорить. Джозеф молодился, пытался казаться тем юным кавалером, что мог залезть на балкон третьего этажа, всю ночь петь под окном и отплясывать джигу. Она посмотрела на кота, зацепившись глазами за свои морщинистые руки. Неужели он выполнял все её безумные капризы аж 30 лет? И как она не заметила, что до сих пор они пляшут в этой невероятной свистопляске, даже будучи глубокими стариками? Эта мысль поразила и увлекла её. Не дождавшись ответа дамы, Джозеф продолжил, решительно глядя Мэри в глаза:

— Ты помнишь свою последнюю просьбу? Ты обещала, что если я её выполню, то ты точно пойдёшь со мной под венец.

— Что? Это же абсурд... Да ты не стал бы! Нет, ты же не...

— Именно. Идём со мной.

Неспешно идя по мостовой, Джозеф вёл свою возлюбленную, представляя, что у них самый обычный романтический променад. Он вдыхал приторные, ядовитые духи Мэри, которые никому не нравились, кроме него. Он смотрел на неё и любовался. Старика уже не волновало, почему Мэри вышла из дома в одной только мантии и бордовых туфлях, почему ей понадобился такой кот, почему они должны сделать то, что идут делать. Все эти «почему» и «зачем» отпали за всё то время, что он провёл с ней, потому что вопросы излишни, когда дело касается любимой дамы. С ней есть только «как скажешь» и «если надо, значит надо». Джизус плёлся позади них, неуклюже волоча свою абстрактную тушку. Дойдя до бельевой нитки, протянутой каким-то умельцем между аптекой и пабом, они остановились, посмотрев на развешенные сверху панталоны. Ткнув носом между зданиями, Джозеф таинственно сказал:

— Смотри. Вон там.

Мэри прижала указательные пальцы к внешним уголкам глаз и напрягла их, натянув кожу. Посреди тротуара стояла маленькая зелено-розовая коробочка с торчащей сверху рукояткой. Зрачки старушки заблестели от восторга. Хихикая, она подошла ближе к «детонатору». Разглядывая устройство, она напевала что-то себе под нос и совершенно не утаивала своё восхищение искусной работой. В особенности её покорила вырезанная сбоку надпись «With Love».

— Сам сделал, — хвалился Джозеф, выставляя по-петушиному грудь.

— Это опасно?

— А ты запусти и проверь.

Затаив дыхание, Мэри присела на корточки и робко взялась за рукоять, а затем посмотрела на Джозефа, сияющего от довольства собой. Одна мысль промелькнула у неё в голове, отчего она отложила запуск хитроумного устройства.

— Джозеф, ты же говорил, что все мои просьбы у тебя записаны? А моё обещание ты тоже записал?

— Естественно!

— Не верю! Ну-ка покажи!

Покопавшись во внутреннем кармане, предусмотрительный ухажёр вытащил из него сложенный вдвое лист с крайне сомнительным содержанием и победно помахал им.

— Во-от! Я, Мэри, обязуюсь выйти замуж за Джозефа, если тот организует красочный взрыв бомбы посреди улицы. Всё записал, не отвертись!

Она сдвинула брови и заговорщически улыбнулась, резким движением опустив механизм до упора. Что-то затикало. Громко крикнув «Джизус, взять!», она махнула на лист и в ту же секунду кот полоумно полетел в сторону несчастной бумажки. Сцапав её из рук ошарашенного старика, Джизус понёсся вслед за убегающей от места взрыва хозяйкой.

— Я подумаю! — смеялась Мэри, оглядываясь назад, чтобы не пропустить самое интересное.

— Чертовка! — орал Джозеф, эвакуируясь подальше от бомбы.

Между разбегающейся парой раздался взрыв, преобразивший один из проулков Голуэя. Прекратив бег, Мэри восторженно смотрела, как во все стороны разлетается розовая краска с радужным конфетти, шлепками оседая на стенах зданий и дороге. Прыгая на месте, старушка с энтузиазмом рассматривала новоиспечённый румянец улицы. Ещё один спектакль удался!

Ожидая, когда её муж подойдёт, Мэри смотрела на заходящее солнце и думала о том, как же он ещё не устал от неё за столько лет совместной жизни. Каждый год, вдохновлённые своей любовной историей, Мэри и Джозеф разыгрывали самые невероятные сценарии о том, как упорный джентльмен добивается руки и сердца своей возлюбленной.

Мэри смотрела, как пожилой супруг, утомлённый бегом, тяжело опирался на трость, медленно приближаясь к своей даме. Награждая его поцелуем в щетинистую щёку, она воодушевлённо произнесла:

- И всё же люблю я, когда ты так фиглярничаешь, Джози. С годовщиной, дорогой!
- С годовщиной, безумная моя женщина. Пошли домой, пока никто не очухался?
- Да.

РАЗГОВОР С ИИ-НЕО — МАРИНА ВИННИКОВА

Саша сидела на кухне, сжимая в руках кружку с остывшим мятным чаем. За окном хмурился дождь, идеально совпадая с её настроением. На экране ноутбука светился неприметный интерфейс нового приложения:

«ИИ-НЕО-переосмысление реальности». Эта реклама обещала «друга для души».

«Конечно, чушь собачья», — подумала Саша, но ее подруга Софа с манией вечного саморазвития, прям рекомендовала...

«Что ж, — подумала Саша, — сейчас все равно все заняты своими свадьбами, карьерами, детьми и другими вселенскими делами, а мне просто хочется поговорить. Да и так, чтобы меня не перебивали историями «у меня тоже такое было».

Она вдохнула и напечатала с характерным для себя сарказмом:

«Привет, НЕО. Меня зовут Саша, мне 28, мне разбили сердце — и, нет, не переживай, я в порядке. Держусь на здоровом цинизме и черном юморе, а медитации и списки благодарностей можно сразу в корзину. В целом все хорошо, да, все прекрасно!!!

У меня вопрос без кавычек и соплей.

Почему все так помешаны на этой КРАСОТЕ момента?

Недавно мне подарили розу. Красивую, живую, такую, про которую пишут стихи или делают селфи, выкладывая в эти ваши «интырнеты»... Но в конечном счете — это вялый, помятый, дурацкий бутон. Да-да, который я выкинула в мусорку. И вся эта прекрасная метафора уместилась в 14 часов. Лол. Красота момента умерла, пока я чистила зубы.

И самое смешное — все твердят: «Наслаждайся! Лови момент! Это же так прекрасно!»

Я ловлю. Правда. Ловила.

А потом этот момент берёт и разбивает тебя. Причём с таким видом, будто я еще должна сказать ему спасибо за «все».

И вот я смотрю на эту розу, на этот огрызок красоты, и думаю: может, гонка за зарплатой — честнее? Там хотя бы правила понятны.

Переработал — получил деньги, возможно, иногда! Опоздал — ну все... хотя как повезет, может босс не успеет поймать опоздание взглядом.

Вообщем, никакой тебе «красоты увядания», никакого «цени, пока есть».

Ипотека хотя бы знает, чего от меня хочет. А сердце молчит. Просто берёт и разбивается. Без предупреждений. Без «лови момент».

Объясни мне, НЕО.

Твоя алгоритмическая логика как это решает?»

Она откинулась на стул, ожидая стандартного набора банальностей про «прелесть увядания» или цитаты в стиле «время лечит», но ИИ выдал ответ, который перехватил все ее внимание...

ИИ-НЕО: «Здравствуй, Саша. Спасибо за твое откровение. Конечно, медитаций не будет. Вместо этого сделаем мысленный эксперимент.

Давай поговорим только о розе, разберем ее, как инженер разбирает механизм.

Ее красота, её аромат это не «суть» розы. Это её тактика.

Яркий цвет — это сигнал для опылителей: «Лети сюда!».

Аромат — химическое сообщение. Она торопится, потому что у нее есть строгий дедлайн: отцвести, дать семена до холодов. Её скоротечность — не трагедия, а протокол эффективности. Она не умирает. Совсем нет. Она завершает одну фазу, чтобы запустить другую.

Задай вопрос иначе: не почему она увядает, а зачем ей быть? Зачем ей быть яркой так недолго?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.